ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Отрывки изъ моихъ записокъ).

Отецъ мой былъ человѣкъ, по своему времени, довольно образованный, веселонравный, остроумный, ловкій и простодушный. Смолоду онъ увлеченъ былъ, какъ многіе въ то время, остроуміемъ и заблужденіемъ Волтера; но въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ оцѣнилъ неиспорченнымъ, а только заблуждавшимся нѣкогда сердцемъ, все ничтожество волтеріанства, и старость свою провелъ въ смиреніи христіанскомъ; не жаловался на измѣнившую ему судьбу, на вѣроломство своихъ лжедрузей, на непримиримую вражду къ нему двухъ особъ—прекраснаго и не прекраснаго пола (о чемъ разсказано въ другомъ мѣстѣ моихъ записокъ), не роптalъ на Бога при упадкѣ своего состоянія, при разстройствѣ здоровья и другихъ скорбяхъ, какія встрѣчалъ на пути семидесятилѣтней жизни. Кончину свою онъ предузналъ за нѣсколько лѣтъ. Вотъ какъ это ему открылось: на канунѣ имянинъ своихъ, съ 31 декабря

на 1-е января видитъ онъ во снѣ своего отца, Михаила Васильевича, который объявляетъ ему *о скоромъ ихъ свиданьи въ лучшемъ мірѣ.* «Ты умрешь—сказалъ ему мой дѣдушка—2-го января, въ день и моей смерти.» Какъ! вскричалъ мой отецъ, такъ скоро?—

«Нѣтъ, ты умрешь въ среду.»

Въ томъ январѣ, который наступалъ послѣ этого видѣнія, 2-е число совпадало съ другимъ днемъ недѣли.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда отецъ мой переселился изъ Симбирска въ Москву и когда совершенно забыли о сновидѣніи и онъ и старшая моя сестра Прасковья Васильевна, которой онъ велѣлъ записать свой сонъ,—открылась у него водяная. Болѣзнь, постепенно развиваясь, усиливалась и поднялась въ грудь. Въ 1818 году, послѣднемъ въ его жизни, въ день своего рожденія, 22 декабря, онъ былъ еще на ногахъ. Принявъ поздравленія и подарки отъ дѣтей и родныхъ, онъ сказалъ: «лучше бы вы сложились и приготовили мнѣ новаго изобрѣтенія свинцовый гробъ; я читалъ въ газетахъ описаніе: такихъ еще не бывало. Я имъ прельстился...»

Эти неожиданныя слова, сказанныя ни шутливо, ни печально, а просто, твердо, сознательно, всѣхъ поразили и всѣ отвѣчали ему въ одинъ голосъ: «что за черныя мысли! и что радости тревожить насъ и огорчать такими предчувствіями?...» «Не огорчать, былъ его отвѣтъ—а при-

готовить тебя, Прасковья (старшая дочь)! Вспомните мои слова, не въ слѣдующую, а *въ будущую среду*;—она не далеко.»

Первая среда была въ 26 декабря 1818 года, вторая 2 генваря 1819. Дня за два до своихъ имянинъ онъ поручилъ сестрѣ моей П. В. заказать праздничный обѣдъ и пригласить къ нему всѣхъ родныхъ, пріятелей и коротко знакомыхъ. «Это будетъ послѣднее имъ отъ меня угощеніе»!... сказалъ онъ. Наступилъ новый годъ и день его Ангела. Это былъ вторникъ,—канунъ роковой среды. Съ утра онъ имѣлъ еще столько силъ и духа, что не только принималъ гостей, но даже, выслушавъ поздравительные стишки, которые пролепетала ему осьмилѣтняя внучка (не помню: графиня ли Е. П. Растопчина, или Е. А. Хвостова), проговорилъ и самъ куплетъ, сказанный имъ болѣе 60 лѣтъ назадъ своему дѣдушкѣ, или бабушкѣ; а потомъ игралъ на фортепіано и пѣлъ русскія пѣсни, подъ которыя малолѣтные поздравители внуки и внучки плясали. Въ два часа сѣли обѣдать. Тутъ ужъ онъ ослабѣлъ, сталъ молчаливъ, не касался никакого кушанья и попросилъ, чтобъ его провели въ спальню. Вставъ изъ-за стола, онъ сказалъ: «завтра среда и память по батюшкѣ; — сегодня я былъ еще съ вами за столомъ, завтра я буду на столѣ; простите, мои друзья!» Вечеромъ онъ пріобщился нетлѣнной пищи Св. Тѣла и Крови Христовой— и на другой день, въ среду, 2 января (1819),

какъ было это предсказано за нѣсколько лѣтъ, скончался на 73-мъ году. Онъ родился въ 1747.

Какъ, чѣмъ объяснить этотъ сонъ, это видѣніе?... Какъ разгадать этотъ союзъ временнаго съ вѣчнымъ, эту встрѣчу живаго съ усопшимъ, эту неразрывную связь двухъ родныхъ душъ за могилою? Откуда этотъ пророческій голосъ во внутреннемъ человѣкѣ? Откуда эта вѣра свободной воли въ таинственное сновидѣніе? Не это ли значитъ отчасти изрѣченіе св. Евангелія: *Духъ идѣже хощетъ, дышетъ и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ* (Іоан. 3, 8.).

Былъ подобный случай съ женою брата моего Андрея В. дочерью сенатора Д. И. Резанова. Мать моей невѣстки Варвара Ѳедоровна, по какому-то предчувствію, будучи еще совершенно здорова, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины стала готовиться къ переходу изъ жизни временной въ жизнь вѣчную. На весну она удалилась изъ шумной столицы на дачу (на аптекарскомъ островѣ). Тамъ, хотя она жила съ родными и друзьями, она все лѣто провела въ полууединеніи, уклоняясь отъ посѣтителей и отъ выѣздовъ въ гости. Неодолимое предчувствіе погружало ее очень часто въ глубокую задумчивость. Къ осени открылись въ ней признаки чахотки; зимой ее не стало.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ смерти Резановой меньшая дочь ея Анна Дмитріевна объ-

являетъ мнѣ, что она не на долго разлучилась съ матерью.

«Почему вы это знаете»? спросилъ я.

«Я видѣла мою мать, отвѣчала она; вотъ ея слова: «долго ли будешь сокрушаться обо мнѣ? утѣшься, мой другъ! 15 апрѣля мы соединимся на всегда».

Этотъ сонъ она разсказала своей сестрѣ (Е. Д. Макшѣевой) и многимъ роднымъ и друзьямъ, въ томъ числѣ и Дюшессѣ Серра—Капріолла (по рожденію К. А. А. Вяземская).

Въ 1822 г., собираясь изъ Петербурга въ Крымъ, я пришелъ къ ней проститься. «Мы больше не увидимся», сказала она.

— Отъ чего же?...

«А 15 апрѣля»?

— Пройдетъ благополучно. Оставьте только эти печальныя предчувствія. Жить безъ цѣли тяжело. Возьмите лучше на себя какую нибудь заботу.

«Какую же»!

— Мужа.

«Пожалуй».

— Такъ я до роковаго дня пришлю къ вамъ изъ Москвы жениха.

«Кого?»

— Брата Андрея.

«Подумаю».

— Прощайте, сестрица!

«Прощайте, братецъ!..»

Я уѣхалъ въ Москву. Передалъ мой разговоръ

брату. Мысль о женитьбѣ зароилась въ его головѣ. Вотъ я на пути къ Черному морю. Между тѣмъ у сестры моей М. В. Беклешовой умеръ ребенокъ. Братъ спѣшитъ въ Петербургъ раздѣлить печаль ея. Тутъ, часто встрѣчаясь съ Резановою, онъ не шутя задумалъ на ней жениться. Она согласилась. Въ іюлѣ была свадьба. Пророчество мое сбылось: и апрѣль прошелъ и она за мужемъ. Вотъ я получаю отъ невѣстки письмо,—читаю: «вспомни 15-е будущаго апрѣля и помолись обо мнѣ.»

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ: она почувствовала въ себѣ первое движеніе ребенка и спросила мужа: когда же ей придется родить?

Не зная о снѣ ея, онъ приблизительно указалъ на 15-е апрѣля.

Насталъ этотъ роковой день — и она родила благополучно. Передъ родами, за нѣсколько минутъ, она вскричала: «ради Бога! взгляни: кто за ширмами?»

— Кому же тамъ быть?—сказалъ ей мужъ—и отодвинулъ ширмы.

«Помолись обо мнѣ! да пошлите за духовникомъ».

Онъ пришелъ съ запасными св. дарами. Она исповѣдалась и пріобщилась св. Таинъ. Собрались родные, поздравляютъ ее съ причастіемъ и съ дочкой.—Она безмолвна и грустна. «Благослови малютку Вариньку, въ память твоей матери»—говорятъ ей. Она перекрестила новорож-

денную и сказала: «не мнѣ воспитывать ее; это дочка сестры Прасковьи.» Скоро на нее нашла тоска, потомъ она стала метаться въ сильномъ волненіи на постелѣ и дико глядѣла на окружающихъ ее. Къ вечеру нервный ударъ оправдалъ ея давнее предчувствіе. Надо думать, ей мечталось, что за ширмами она видитъ и слышитъ свою мать.

Я знаю еще два,—какъ бы сказать,—ну, хоть два мистическихъ случая также съ очень близкими мнѣ людьми. Назвать ихъ теперь еще не могу,—они живы и, можетъ быть, не захотѣли бы открыть свое имя. Это—мужъ и жена; уже не молодые, уже понявшіе *суету суетствій* и смиренно ожидающіе послѣдняго слова жизни. Это—грядущіе «старосвѣтскіе помѣщики», хотя еще не удалившіеся въ деревенское уединеніе.—Не берусь описывать эти два случая. Приведу слово въ слово разсказы мужа.

Первый случай. «Это было въ Петербургѣ. Жена моя, на половинѣ пути къ одной изъ благословенныхъ цѣлей брачной жизни, занемогла воспалительной скоротечной—горячкой. Больная, въ которой чувство материнской любви къ грядущему младенцу одолѣвало злой недугъ, ясно помнила по временамъ, что она—мать, прислушивалась къ его движеніямъ и по временамъ шептала: «бѣдненькой! бѣдненькой!» Вотъ—замолкло въ ней движеніе младенца; всѣ врачебныя пособія оказались безсильными противъ упорной

болѣзни — и я угадываю тревожнымъ сердцемъ потаенную мысль окружающихъ ее лейбъ-медика, акушера и домашняго доктора: кого спасти? кѣмъ пожертвовать, кому жить: матери или ребенку?... Вопль души моей сказалъ имъ: оставьте мать! возьмите дитя!.. Тяжелое было для меня время! И день и ночь возлѣ умирающей жены, въ которой я видѣлъ и гробъ не рожденнаго младенца, я безпрерывно чувствовалъ въ себѣ борьбу худыхъ и добрыхъ движеній сердца; мысли въ полубезумной головѣ бушевали; то Ангелъ-Хранитель, то сатана, какъ будто овладѣвали мною; то, готовясь отдать все землѣ, я задумывалъ оставить свѣтъ и постричься въ монахи, то угрожалъ Провидѣнію: погубить свою душу, дать полную свободу своимъ страстямъ, не любить, не вѣровать... Страшно подумать теперь, какъ отчаяніе ожесточало тогда мое сердце, затмѣвало во мнѣ здравый смыслъ!... Ангелъ-Хранитель побѣдилъ искусителя. Я сталъ молиться и плакать. Мы жили близь церкви Владимірской Божіей Матери. Что-то повлекло меня въ отдаленную церковь «Покрова Богородицы.» Вхожу,— пусто, нѣтъ службы, нѣтъ молельщиковъ, только сторожъ подметаетъ полъ, послѣ ранней обѣдни.

«До поздней долго»—молвилъ сторожъ.

— Я не буду дожидаться.

«Хотите отслужить молебенъ»?

— Нѣтъ! хочу только приложиться къ образу.

Тутъ, безотчетно, полилась изъ глубины растерзанной души молитва: «Владычица! спаси

жену! сбереги мнѣ младенца!.. Я смирюсь, — я буду соблюдать посты во всю жизнь мою... Я пойду въ Тихвинъ поклониться твоей чудотворной иконѣ!..»—Что́жъ такое наши обѣты?.: Что́ можетъ обѣщать земнородный небу?.. Чѣмъ можетъ воздать очеловѣченная персть Создателю—Богу?.. Это подкупъ! скажутъ гордые глубокомыслители: это—безуміе твари, это—молитва, недостойная величія Божества... Не знаю! никогда я не пойму этой тайны печальной души!.. Входя въ церковь, я не помышлялъ ни о постѣ, ни о богомольѣ. Обѣтъ мой сказался въ простотѣ сердца, не спросясь головы. Обѣты — въ моихъ убѣжденіяхъ — заря радости, духовное предчувствіе исполненія молитвы, вѣра въ грядущее, вѣнецъ событія, память благодѣянія, дѣло признательности и смиренія».

«Между тѣмъ одинъ изъ домашнихъ у насъ видитъ во снѣ святителя—Митрофана. «Помолись! сказалъ чудотворецъ: и барыня твоя будетъ жива»!...

«Надо замѣтить, что это сновидѣніе было послано именно худшему тогда въ нашемъ домѣ человѣку, виноватому въ разныхъ шалостяхъ, потерявшему всякое довѣріе къ себѣ и господъ и товарищей. И вотъ орудіе, избранное Богомъ къ нашему смиренію!.. Сердцевѣдецъ уже призвалъ его къ себѣ очищеннымъ и исправленнымъ. Бѣдный Филиппъ — такъ звали этого человѣка — не смѣлъ прямо открыть мнѣ свое

сновидѣніе. Оно дошло до меня черезъ другихъ. Отецъ и мать моей жены жили въ одномъ съ нами домѣ. Мы всѣ повѣрили утѣшительному сну Филиппа. Мы съ вѣрою отслужили молебенъ св. Митрофану. Комната, въ которой мы молились, была подъ горницей, гдѣ томилась страдалица. Я взбѣгаю на лѣстницу, отворяю дверь въ спальню, сестра моя М. В. Б. бросается ко мнѣ на встрѣчу и говоритъ: «поздравляю! она опять почувствовала движеніе ребенка и попросила чаю.» Съ этой минуты больная стала оживать,—сонъ сбылся. Я сбѣгалъ—не говорю ходилъ—именно сбѣгалъ въ Тихвинъ: 6 іюня 1837, отпраздновавъ наканунѣ день рожденія чудноизцѣленной жены, я отправился въ путь; а 17 числа ужъ возвратился къ ней.—На шестой день отъ перваго шага за заставу я упалъ передъ чудотворною иконой Матери—Дѣвы. Это было въ петровскій постъ. Почтенный и добродушный архимандритъ плѣнился моимъ бѣднымъ подвигомъ;—такъ теперь рѣдки странники—богомольцы, особенно въ нашемъ сословіи! Онъ благословилъ меня образомъ на финифти: съ одной стороны Тихвинской Богородицы, съ другой Николая Чудотворца. Я берегу это благословеніе. Замѣтивъ, что у меня уши облиты кровью — (шмели комары, слѣпни, мухи и мушки, какъ ни отмахивался я отъ нихъ на пути, какъ ни обвязывалъ лице платкомъ, жалили меня день и ночь), отецъ архимандритъ повезъ меня въ ближній монастырь св. Антонія Дымскаго и по-

совѣтывалъ мнѣ выкупаться въ его озерѣ: преданіе и народное повѣрье приписываютъ цѣлебное свойство водѣ этого озера. Я вообще былъ тогда въ какомъ-то восторженно-смиренно-духовномъ настроеніи. Я выкупался въ водѣ, освященной нѣкогда прикосновеніемъ къ тлѣнной одеждѣ на землѣ нетлѣннаго на небесахъ угодника Божія—и вышелъ изъ нее бодръ и свѣжъ! Силы мои обновились, зудъ на обкусанныхъ ушахъ унялся и даже какъ будто не бывало ни боли, ни опухоли, ни пузырей, ни мозолей на пальцахъ и ступняхъ, которыя порядочно отколотилъ я, шагая по московскому шоссе до Грузина, а оттуда по лѣсамъ и болотамъ, гдѣ впрочемъ путешествіе мое было уже легче, если бы не зной и не насѣкомыя».

«На другой день, простясь съ гостепріимнымъ архимандритомъ и съ двумя странницами—богомолками, которыя пристали ко мнѣ по дорогѣ и сдружились со мною, я отправился въ обратный путь. Какъ мнѣ весело было катиться въ покойной каретѣ послѣ шестидневнаго шаганія на протяженіи 250 верстъ!... Я возвратился благополучно въ столицу. Жена моя совершенно оправилась отъ болѣзни. 7 августа Богъ далъ намъ сына. Я думалъ: это—мое дитя! это—дитя молитвы и вѣры, дитя любви и обѣтовъ, дитя страданій и смиренія! Богъ сбережетъ намъ его на радость, подъ старость лѣтъ... Не сбылись мои надежды: на девятомъ мѣсяцѣ, 13 апрѣля 1838 не стало моего младенца. Ни молитвы, ни

обѣты, ни таинство соборованія, къ которому я прибѣгнулъ съ вѣрою и упованіемъ, ничто не удержало его съ нами. Ужасна была въ немъ борьба жизни съ смертію!.. Невинный страдалецъ покоится въ тѣни сиреней и акацій на новомъ Невскомъ кладбищѣ».

Второй случай. «17 марта 1843 г. Богъ опять намъ даровалъ сына. Въ концѣ іюля 1844 онъ занемогъ. Около трехъ недѣль и день и ночь возлѣ больнаго я истомился и душой и тѣломъ. Наканунѣ ужаснаго для сердца родительскаго дня, изнеможенный страданіями моего ребенка, я упалъ передъ вечеромъ на кровать—и въ одно мгновеніе—не во снѣ, не во бдѣніи—какъ будто въ ясновидѣніи — я вижу головку младенца, я чувствую поцѣлуй его, онъ приникъ ко мнѣ лицемъ къ лицу!.. который изъ двоихъ? подумалъ я: небесный ли братъ земнаго страдальца слетѣлъ къ отцу съ вѣстію, что Богъ намъ оставляетъ его? душа ли бѣдняжки прощается со мною?... Я быстро перевернулся на другой бокъ... надъ сердцемъ моимъ—чернаго дерева крестъ и на крестѣ золотое распятіе!... Что это знаменіе обѣщаетъ? сказалъ я, вскочивъ съ постели: спасеніе ли отъ смерти младенца страданіями Христа, или посланіе намъ новаго креста?... На другой день, 19 августа, не стало нашего втораго Вани».

«Когда я разсказалъ объ этомъ «доброму Пастырю», обыкновенно поспѣшающему въ домы слезъ и скорби съ утѣшеніями Евангелія, онъ, благословивъ уснувшаго младенца на свѣтлый

путь отъ краткой смерти къ вѣчной жизни, отвѣчалъ мнѣ: «я зналъ, что Богъ не оставитъ его вамъ». — Вотъ какъ это открылось смиренному служителю олтаря: не надѣясь на собственныя молитвы, я какъ-то схватилъ лоскутокъ бумаги и написалъ ему, чтобы помолился объ оставленіи намъ ребенка. Записка моя получена на канунѣ храмоваго праздника въ Донскомъ монастырѣ. — Приказано приготовить просфору. Передъ проскомидіей спрашивается: гдѣ она?—приказаніе забыто. Нѣтъ ли другой?—нѣтъ ни одной, всѣ разобраны! По необходимости священнодѣйствовавшій беретъ просфору, изъ которой была уже вынута часть, и вынимаетъ другую: за здравіе младенца Іоанна. Послѣ службы онъ не находитъ ее—затерялась! Наконецъ, уже когда онъ сѣлъ въ карету, приносятъ ему въ бумагѣ просфору;— по возвращеніи домой, онъ развертываетъ ее, чтобы послать къ намъ и видитъ, что она не за здравіе, а за упокой!... И вотъ мое дитя возлѣ моихъ отца и матери, у соборной церкви Ново-Дѣвичьяго монастыря. Они какъ будто сберегали для него мѣсто: отецъ мой умеръ за 25 лѣтъ, а мать за 41 годъ — и никто не занялъ свободной возлѣ нихъ земли».

Я разсказалъ эти сны, предчувствія, видѣнія и знаменія въ той надеждѣ, что когда нибудь иной изъ непризнающихъ ни силы молитвы, особенно за усопшихъ, ни чудесъ, ни посредства между нами и небомъ нетлѣнныхъ и святыхъ избранниковъ и избранницъ Божіихъ, ни

вообще таинственныхъ сношеній земли съ духовнымъ міромъ,—быть можетъ призадумается надъ этими невымышленными, некраснорѣчивыми строками и убѣдится въ томъ, что можно вѣровать и сердцемъ, а не однимъ разсудкомъ; что для спокойствія души покорное смиреніе лучше пытливой гордости; что Христосъ дѣтямъ обѣщалъ царство небесное и повелѣлъ намъ вѣровать младенчески... Миръ вамъ, блаженные младенцы! ликуйте у всепобѣдившаго Креста въ ликѣ вѣчнорадующихся Ангеловъ! молитесь о земнородныхъ вашихъ родителяхъ Небесному Отцу и Матери—Дѣвѣ!..

Кстати: вспомнился мнѣ еще довольно странный случай. Въ Москвѣ жила моя родная тетка, Прасковья Михайловна Сушкова. Почти 90 лѣтъ, слѣпая и дряхлая, она рѣдко сходила съ постели своей. Она посвятила всю свою молодость отцу, моему дѣду, Михаилу Васильевичу, когда-то главному начальнику Сибирскаго Приказа, а потомъ отставному Тайному Совѣтнику и слѣпцу. Служеніе немощному отцу развило въ сердцѣ ея чистую евангельскую любовь и она сохранила ее вмѣстѣ съ ясностію ума до самой могилы. Я любилъ ее, какъ никого не любилъ въ жизни: я видѣлъ въ ней святую. Несовременныя одна другой души—слѣпой старушки и молодаго человѣка соединены были необъяснимымъ взаимнымъ сочувствіемъ. Такъ 1828 г. я былъ въ Тирасполѣ. Какъ и почему,—опишу это послѣ, когда дойду до того несчастнаго для меня времени. Тетка моя

не знала, отъ нее скрывали, что я поминаю Суворова въ его Тираспольской крѣпости. Затруднительныя обстоятельства мои пришли къ концу. Я, не предваривъ никого изъ родныхъ, пускаюсь въ Москву и думаю упасть къ нимъ какъ снѣгъ на голову. Каково же мое удивленіе? Никто появленію моему въ Москвѣ не удивился: меня ожидали, именно въ то утро, когда я пріѣхалъ! Чтожъ это значитъ? спросилъ я: Святымъ Духомъ, что-ли, узнали вы о выѣздѣ моемъ изъ Тирасполя? «Почти такъ,—отвѣчала сестра П. В.— Тетушка, не знаю во снѣ ли, по предвѣдѣнію ли, открыла, что ты въ дорогѣ, и вчера сказала утвердительно, что нынче утромъ будешь съ ней». Подобнымъ образомъ она, будучи въ Москвѣ, узнала заочно, что братъ ея Николай Михайловичъ (сенаторъ) умеръ въ Петербургѣ. Пламенная вѣра и несомнѣнная молитва, кажется, уничтожали для ея чистой души пространство и время. Слѣпая, она видѣла дальше насъ, зрячихъ!.. Вотъ какова напримѣръ была въ ней сила вѣры: она лечилась отъ лихорадки одною богоявленскою водой; велитъ окатить образъ Михаила-Архангела или Николая-Чудотворца, выпьетъ скатившуюся въ чашку съ того или другаго святую воду—и лихорадка прошла!.. Не магнетизмъ ли это! Только не животный, не минеральный, а чисто—духовный!

Н. Сушковъ.